Она уже почти жалела, что не может уничтожить все часы в своем доме, когда в половине десятого наконец позвонил Патрик.

У него хватило такта извиниться. - Извини, я немного занята."

Эти двусмысленные слова наполнили Нину ужасом. -С—с чем именно?- Новая инамората?

-Я просто работал."

- Работать—дома?"

- Работаю над своими вещами."

-Что ты имеешь в виду, говоря о своих вещах?"

- Он казался раздраженным. -Я уже говорил тебе раньше. Я пытаюсь быть свободным художником, иллюстрируя обложки книг для издателей научной фантастики и фэнтези.- Теперь, когда Нина подумала об этом, он сказал что—то об этом-между приступами любви.

- А, ну да. Ну и как тебе это удается?"

- Хорошо, я думаю. У меня есть некоторые контакты с мелкими издательствами, и я уверен, что смогу закрепиться в этой области в ближайшее время."

- Звучит заманчиво.- Но Нина не была в восторге. Это не совсем то, о чем я хотел поговорить с тобой, Патрик.

Но, по крайней мере, он не развлекался с другой женщиной.

-Как ты там поживаешь?- спросил он.

- Очень хорошо, - сказала она. - Вроде как устал.- Тут она по-девичьи захихикала.

-Да, я знаю, что ты имеешь в виду. Я тоже."

-Ну, мне придется привыкнуть к этому, я полагаю!- Боже, я не могу поверить, что сказала это!

Патрик не ответил. Его молчание заставило Нину пожалеть, что она не смогла произнести эти слова. Я не думаю, что он любит шутить о сексе—этот вопрос кажется ему слишком важным.

Чтобы заполнить мертвое пространство, Нина сказала: "Так когда я смогу увидеть тебя снова?- Она хотела бы, чтобы ее голос не звучал так жалобно.

-Это хороший вопрос, - осторожно сказал он.Это совершенно определенно не тот ответ, который я искал!

-Что ты хочешь этим сказать?- Нервно спросила Нина. -Ты ведь хочешь увидеть меня снова, не так ли?- Ты же сказал, что любишь меня!

-Конечно, знаю, - сказал Патрик, и снова в его голосе прозвучало раздражение. -Но я действительно люблю делать свою работу по вечерам-я имею в виду будние вечера."

-Значит, ты не хочешь видеть меня до конца недели?- Воскликнула Нина, совершенно удрученная.

-Я этого не говорил. Я—"

-Тогда что ты имеешь в виду?- сказала она, все больше и больше волнуясь.

- Нина, - резко сказал он, - возьми себя в руки. Ты расстраиваешься по пустякам."

-Но я должен увидеть тебя раньше, чем в выходные! Ты не можешь вот так меня отгораживать!"

- Я не отгораживаюсь от тебя.- Он тяжело вздохнул. - Слушай, а как насчет того, чтобы прийти сюда в среду вечером?"

- Приехать к тебе домой?- сказала она, немного успокоившись.

"Да."

-Я могу это сделать."

-Ты можешь прийти поздно? Может быть, примерно в это же время?"

-Ты не хочешь поужинать со мной?- сказала она, снова впадая в депрессию.

-Может быть, мы подождем до пятницы, пока это произойдет. Тогда я отведу тебя в хороший ресторан."

- Ладно, - покорно согласилась она.

- Хорошо, - сказал он с неуместным удовлетворением. А потом: "я люблю тебя, Нина."

Она крепко сжала трубку и прижала ее к своей щеке. - Я тоже люблю тебя, Патрик."

- Он отключился. Нина посмотрела на телефон, как будто это был какой-то вредитель, который заполз в ее жилое пространство. Она отбросила его в сторону, упала на диван в гостиной и разрыдалась.

*

Среда не могла наступить достаточно скоро, и в тот вечер, когда Нина готовила свой одинокий обед, она начинала все больше и больше сердиться. Боже, он просто пытается разделить меня! Я должна держаться подальше от него, пока он делает свое самое важное "произведение искусства", а затем он щелкает пальцами, и я должна подойти к его месту и раздвинуть свои ноги—и другие части моей анатомии—для него! Что же это за отношения такие? Как я должна узнать его, если все, что он хочет сделать со мной—это проложить себе путь в мое тело?

Она чувствовала, что была слишком строга к нему—но только немного. Может быть, он пожалел о сумасшедшем уик-энде, который провел с ней, и теперь пытается немного отстраниться. Конечно, всегда существовала стандартная тревога женщины по поводу того, что мужчина боится обязательств,—в данном случае она усугублялась разводом, через который он прошел. Ну, клянусь Богом, она бы так и сделала. я тоже прошел через развод!—и она не боялась совершить преступление! Она провела с ним уик-энд, как никто другой за всю свою жизнь; она позволила ему сделать с собой то, что никогда не позволяла никому другому мужчине, даже своему бывшему мужу. И он уже начал мерзнуть ногами?

Или, может быть, это она торопилась, как казалось Терезе. Она так долго не ходила на

свидания, что уже порядком заржавела. Ей, вероятно, не следовало позволять ему так вольничать с ней: несмотря на его уверения в любви, может быть, так оно и было. Просто хочу ее для секса. Но нет-она отказывалась в это верить. Он не мог быть таким подонком. Но она должна была действовать осторожно. Его критика в адрес бывшей жены как "немного нуждающегося человека" звучала в ее ушах, и она знала, что должна избегать этой ловушки, если хочет иметь хоть какую-то надежду удержать его рядом с собой в течение длительного времени.

Это предполагало, что она действительно хотела, чтобы он был рядом в течение долгого времени. Да, она тоже говорила, что любит его, но так ли это? Может быть, эти слова были просто способом убедиться, что он не сбежит после их безумного уик-энда? Ей нужно было узнать о нем гораздо больше, прежде чем она была готова связать себя с ним обязательствами. Я не могу слишком много думать об этом. Давайте просто играть в нее день за днем.

Нина бросила кое-какую одежду в большую сумку, так как предполагала, что останется на ночь у него дома. Как унижительно, если он даже этого не хочет! Но он почти наверняка так и сделал. Освежив макияж, она вышла из дома незадолго до половины десятого и поехала к нему домой в Мэйпл-лиф.

Как только она вошла в это место, у Нины возникло ощущение, что ей там не совсем рады. Дело было не в том, что Патрик не приветствовал ее крепким объятием (которое, как она и ожидала, включало в себя некоторое пожатие ягодиц) и страстным поцелуем; просто он казался нервным и нервным, хотя прекрасно знал, что она уже была здесь раньше, когда он попросил ее принести ему какую-нибудь одежду. Она помнила планировку-маленькая гостиная, ведущая к двум еще более маленьким спальням, одну из которых Патрик явно использовал в качестве своего рода кабинета или даже студии. Там были все виды художественной атрибутики: не настоящий мольберт с холстом на нем, а наклонный письменный стол, на котором он, казалось, работал над какими-то черно-белыми линейными рисунками. В комнате, которую он использовал как спальню, едва хватало места для двуспальной кровати, двух тумбочек и комода. Тем не менее, чтобы добраться до дальнего конца комнаты, нужно было пройти боком между кроватью и комодом.

Тот факт, что Патрик был одет только в халат, отнюдь не обнадеживал: она молила Бога, чтобы он не ждал, что она просто прыгнет к нему в постель. - Боже! это заставило бы меня чувствовать себя своего рода эскортом . . . Может быть, он просто хотел чувствовать себя комфортно. На самом деле, он уговаривал Нину переодеться в ночную рубашку, и она была счастлива сделать это. (По крайней мере, он не сказал, что я должна просто расхаживать голышом!)

Она не знала точно, что они будут делать, пока не окажутся готовыми ко сну. Кто-то с таким темпераментом Патрика вряд ли захочет смотреть какое-то безмозглое телешоу! К некоторому ее удивлению, он спросил, не может ли он поставить какую-нибудь музыку-под которой он подразумевал классическую музыку. Он сказал ей, что играл на пианино Несколько лет, когда был подростком, и теперь поставил запись—у него все еще была огромная коллекция пластинок, которая занимала целую деревянную книжную полку в гостиной—одного из последних фортепианных концертов Моцарта.

Нина не очень много знала о классической музыке, но она находила попеременно возбуждающие и мечтательно мягкие колебания произведения невероятно возбуждающими. В этой композиции было что-то настолько безупречное, что она почувствовала, как перед ней открывается целый новый мир эстетической оценки. Это медленное движение было таким

пронзительным и романтическим, что она чуть не расплакалась—и была поражена, что Патрик чувствует то же самое. Уютно устроившись в его объятиях, она посмотрела на него и увидела, что он смотрит куда-то вдаль, блестя глазами, затерявшись в восхитительном слиянии оркестра и фортепиано.

После этого уже ничего не оставалось делать, кроме как пойти в спальню.

Их любовь была нежной и нежной, но Патрик не упустил свой ставший уже привычным вопрос о заднем проходе. Нина слегка обиделась, что он взял на себя смелость купить баночку кольдкрема (что на это скажет кассир в продуктовом или аптечном магазине, мне было бы очень интересно узнать!) и положил его на одну из тумбочек, как будто предполагая, что она уступит ему в этом вопросе; но на самом деле ей уже нравилась эта процедура.

<http://erolate.com/book/877/19698>